

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ П.Н. ТКАЧЕВА В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О РУССКОМ ЯКОБИНСТВЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-х гг.

Рассматриваются оценки социально-политических взглядов П.Н. Ткачева в рамках дискуссии о русском якобинстве, проходившей в советской исторической науке 1920-х гг. Обращение к творческому наследию Ткачева в этот период связано с поисками идейных корней большевизма и с попытками установить преемственность между советской идеологией и практикой и радикальными концепциями в русском революционном движении второй половины XIX в.

Ключевые слова: советская историография; народничество; русское якобинство.

Октябрьская революция существенно изменила не только социально-политическую, экономическую, но и научную жизнь в стране. Новая историческая наука выкристаллизовывалась в ходе многочисленных дискуссий. Полемичность исторической науки 1920-х гг. объясняется еще и неоднородностью состава исследователей. Во-первых, в вузах осталась часть дореволюционной профессуры, которая бережно хранила академические традиции непредвзятого исторического анализа. Во-вторых, изучением прошлого занялись многие видные деятели большевистской партии, т.е. люди, которые были не только свидетелями, но и непосредственными участниками исторических событий. В-третьих, активно набирала силу молодая поросль красных профессоров (выпускников, основанного в 1921 г. Института красной профессуры (ИКП)), желавших проявить себя на «историческом фронте», как с подачи М.Н. Покровского принято стало называть историческую науку. К тому же, несмотря на победу в гражданской войне, большевиков, по-видимому, не покидало ощущение недостаточной аргументированности и шаткости их позиций в обществе. Свидетельством этому служит желание советского руководства укрепить свою идеологическую основу посредством доказательства неизбежности октябрьского переворота, представления его в качестве логичного завершения предшествовавших этапов революционного движения в России. Следствием этого стала дискуссия о судьбе и роли русского якобинства в русском революционном движении, развернувшаяся в 1920-е гг. Эта дискуссия является одним из наиболее ярких эпизодов периода становления советской исторической науки в целом и изучения революционной теории П.Н. Ткачева в частности.

Начало довольно острому обмену мнений положила статья С.И. Мицкевича, опубликованная в середине 1923 г. в журнале «Пролетарская революция». По признанию автора, напечатать эту статью в журнале Истпарта ему удалось с громадным трудом. В двух других печатных органах – «Известиях ВЦИК» и «Молодой гвардии» – рукопись странным образом «терялась» [1. С. 3]. Статья С.И. Мицкевича представляла собой краткий очерк по истории русского якобинства от прокламации «Молодая Россия» до партии «Народная воля». Он высказал мысль о прямом идейном родстве между ткачевизмом и ленинизмом. Он считал, что Октябрьская революция в значительной степени произошла «по Ткачеву», а партийное руководство и в настоящее время действует во многом по тому методу, который «рекомендовал Ткачев» [1. С. 16]. Обращаясь к положениям программного заявления «Набата», автор вообще не смог удержаться от восклицательной интонации: «Как

современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева...» [1. С. 15].

С.И. Мицкевич первым в советской историографии решился взять под защиту Ткачева в его полемике с Ф. Энгельсом. Советский историк отметил, что немецкий социалист не до конца понял тезис Ткачева о «беспочвенности русского государства». Его главный смысл состоял не в отрицании института государства вообще, по методу анархистов, а в том, что оно «не поддерживалось множеством самостоятельных организаций крупной и мелкой буржуазии, как европейские буржуазные правительства» [1. С. 16]. И в этом Ткачев, по мнению С.И. Мицкевича, был прав, так как буржуазный строй в Европе поддерживает множество общественных организаций, чего не было в России. Старый большевик вставал на точку зрения Ткачева, подтверждая его упрек Энгельсу в незнании и непонимании последним русской действительности и специфики русского государства. С.И. Мицкевич подчеркнул, что если Ткачева и можно назвать утопистом, то только относительно второй половины XIX в., поскольку он переоценил готовность крестьянства к революции и недооценил революционную роль рабочего класса в силу его отсутствия, но это не помешало ему стать гениальным провидцем будущего хода русской революции, которая «пошла совсем «по-якобински» [1. С. 25].

Статья С.И. Мицкевича подвергала сомнению марксистскую парадигму большевизма и поэтому не осталась без внимания партийных историков. Через год с опровержением ключевых выводов С.И. Мицкевича выступил Н.Н. Батурич. По его мнению, автор работы «Русские якобинцы» исказил историческую перспективу, выдумывая поверхностные аналогии. Назвав «указание тов. Мицкевича» на якобинско-бланкистские корни большевизма большой и интересной новостью, Н.Н. Батурич не стал утруждать себя анализом произведений Ткачева для доказательства обратного, а просто язвительно резюмировал, что выдавать ткачевскую диктатуру за диктатуру пролетариата можно только имея «особое вдохновение» [2. С. 86]. Очевидная предвзятость позиции Н.Н. Батурича привела его к противоречивости некоторых выводов. Так, соглашаясь с Энгельсом и характеризуя взгляды Ткачева как «анархические», Н.Н. Батурич в другом месте признавал заслугу Ткачева в том, что тот «неустанно боролся с анархическими методами борьбы русских революционеров...», а усматривая в деятельности «Народной воли» скачок «от анархизма к либерализму», считал, что Ткачев «с полным правом гордился тем, что образование партии «Народной воли» было в значительной степени осуществле-

нием его якобинских принципов» [2. С. 83, 88]. С помощью, как ему казалось, «убедительных» аргументов Н.Н. Батуриным постарался доказать читателям журнала «Пролетарская революция», что правопреемниками «ткачевого мелкобуржуазного социализма» были не большевики, а эсеры. Кроме того, автор попытался подвести политическую базу под доводы своего оппонента, упрекнув его чуть ли не в контрреволюционности, намекнув, что «все то, что при бенгальском освещении тов. Мицкевича казалось красным, оказывается белым при обыкновенном дневном свете» [2. С. 87].

Идеологический подтекст статьи Н.Н. Батурина имел мало общего с научными задачами. Становилось очевидным, что постепенно формируется, удобная правда, а все остальное, что не вписывается в эти рамки, будет отбрасываться по соображениям политической целесообразности. Тем не менее интерес к русскому якобинству не угас. В 1924 г. вышла обширная статья Б.П. Козьмина, посвященная анализу причин выступления Ткачева против П.Л. Лаврова в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России». По мнению автора, главная причина разногласий между двумя русскими революционерами, приведших к выходу Ткачева из состава редакции журнала «Вперед!», лежала в неприязни Петром Никитичем Лаврова в качестве редактора социально-революционного органа. Человек, стоящий во главе заграничного органа русских революционных сил, должен был не только теоретически знать развитие и современное положение западноевропейской и русской социалистической мысли, но и быть тесно связанным с практикой революционного движения. Ему необходимо иметь представление о работе и направлениях действовавших в России кружков и организаций, жить одной жизнью с русской революционной молодежью, быть в курсе ее дум, стремлений, чувств и убеждений.

«Был ли таким человеком в глазах Ткачева Лавров? – задавался вопросом Б.П. Козьмин. – Нет никаких сомнений, что на этот вопрос возможен только отрицательный ответ... Лавров чужд русскому революционному движению. В этом не сомневался Ткачев, и в этом он был прав» [3. С. 295–296]. Исследователь открыто вставал на сторону Ткачева в его полемике с Лавровым, что вполне объяснимо.

С явной иронией Б.П. Козьмин характеризовал Лаврова как человека без определенных политических убеждений, который, на его взгляд, не был ни революционером, ни либералом в точном смысле этих слов и по свойству своей натуры предпочитал примирять крайности и сглаживать противоречия. Зато с нескрываемым пиететом он описывал исключительную революционность Ткачева, который «был весь во власти революции», не знал компромиссов, не признавал «золотой середины», высшей ценностью для него была только революция и «союзником в общем деле считал лишь того, кто стоял в одном ряду с ним, кто рука об руку с ним готов был идти на общего врага» [3. С. 306–307].

Мысль о значимости русского якобинства в лице ткачевиизма для генезиса большевизма нашла поддержку со стороны Б.И. Горева, который в статье под символическим названием «Российские корни ленинизма» подчеркнул, что теория Ткачева, «несмотря на ее наив-

ный революционизм», предвосхищает современность [4. С. 88]. Кроме того, в новом издании книги о развитии социал-утопической мысли Б.И. Горев дал характеристику личным качествам В.И. Ленина, которая удивительным образом оказалась схожей с той, которой наделил Ткачева в статье «Ткачев и Лавров» Б.П. Козьмин. В итоге, Б.И. Горев прямо указал на то, что Ленин «проводил после Октябрьской революции методы якобинской диктатуры и никогда не скрывал своих якобинских симпатий» [5. С. 121].

Дискуссия подтолкнула руководителей «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» на организацию диспута о «русском якобинстве», который состоялся 8 февраля 1925 г. в клубе Общества. С основным докладом на диспуте выступил С.И. Мицкевич. Он в очередной раз подчеркнул тесную, неразрывную связь организационных и политических принципов русских якобинцев (П.Г. Зайчневского и Ткачева) с идеями, на практике реализуемыми большевиками, и указал на факт проявления В.И. Лениным интереса к работам Ткачева. В последовавших затем прениях, выводы докладчика поддержали Б.И. Горев и Б.П. Козьмин. Последний добавил, что Ткачеву было известно многое из того, что было написано Марксом и лишь своеобразие российских социально-экономических и общественно-политических условий не дало ему возможности сделаться марксистом в полном смысле слова и в этом не вина Ткачева, а его беда, его «трагедия» [6].

В развернутом виде положения своего доклада С.И. Мицкевич представил в ответе Н.Н. Батурина, опубликованном в журнале «Каторга и ссылка» и придавшем полемике между ними дополнительный импульс. С.И. Мицкевичу удалось вскрыть противоречивость возражений оппонента, построивших на умозрительных заключениях, и вновь аргументированно доказать свой основополагающий тезис о близком идейном родстве русского якобинства с большевизмом. На этот раз автор не ограничился простым цитированием выдержек из «Молодой России» статей Ткачева и программы «Народной воли». С.И. Мицкевич постарался показать, что аналогии во взглядах русских якобинцев и большевиков не случайны, а имеют глубокие корни и обусловлены спецификой русского исторического процесса, условиями русской жизни [7. С. 95].

Ответ Н.Н. Батурина не содержал ничего принципиально нового по сравнению с его первой статьей. Автор, убежденный в анархичности взглядов русских якобинцев, называл их наследниками якобинцев французских, поскольку те и другие, по его мнению, «выражали не что иное, как идею революционной мелкобуржуазной диктатуры» [8. С. 99]. Кроме того, Н.Н. Батуриным продолжал настаивать на том, что никаких элементов пролетарского социализма в программах П.Г. Зайчневского и Ткачева найти нельзя, между ними и большевиками невозможно не только поставить «знак равенства», но и проводить какие бы то ни было аналогии.

Второй раунд полемики С.И. Мицкевича с Н.Н. Батуриным тоже имел продолжение. К дискуссии подключился некто под псевдонимом Синеира. Не поддерживая идею о прямой преемственности между русским якобинством и большевизмом, Синеира не отвергал определенного сходства в их позициях, так как, по

его мнению, русским якобинцам, как и большевикам, не были чужды концепции Маркса. Развивая это положение, автор указал на то, что русский «якобинизм – бланкизм» на первых порах выступал в качестве своеобразного рупора идей марксизма в России и если у Ленина, в его тактике, «мы находим следы мыслей, напоминающих наших двух якобинцев (П.Г. Зайчневского и Ткачева. – А.Х.), то это только потому, что Ленин – марксист» [9. С. 114]. Синеира подчеркивал также наличие элементов марксизма в воззрениях Ткачева, который был, по его мнению, «сторонником исторического материализма» [9. С. 107]. Его вывод о влиянии на Ткачева марксистской теории с одобрением был встречен М.Н. Покровским. Выступая 1 июня 1925 г. на торжественном заседании в честь открытия «Общества историков-марксистов», руководитель советской исторической науки заявил, что Ткачев знал учение Маркса, цитировал его ключевые положения и был историческим материалистом «первого призыва» [10. С. 4].

Одновременно настойчиво продолжал проводить мысль об оригинальности ткачевской доктрины Б.И. Горев. Его очередная статья «К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности» представляла собой, пожалуй, первую в советской историографии попытку комплексного рассмотрения системы социально-политических воззрений Ткачева на всем протяжении его деятельности. Автор призывает серьезно отнестись к наследию Ткачева, потому что при внимательном отношении оно является «далеко не столь наивным и упрощенным, как это представляется в полемике Энгельса и Плеханова против него» и содержит ряд положений, которые бы сделали честь любому революционному марксисту [11. С. 111]. В частности, по мнению Б.И. Горева, Ткачеву принадлежит роль первого творца теории захвата власти революционной партией и диктаторского управления революционным государством. А его статьи по организационным вопросам «нередко напоминают ленинское «Что делать?»» [11. С. 113].

В то же время часть историков склонялась к игнорированию этих выводов и утверждению обратного. Так, М.С. Балабанов, кратко излагая суть концепции Ткачева, хотя и счел возможным назвать его представителем особого течения русской революционной мысли, не обнаружил, однако, отличий его взглядов на общину, на процесс революционных преобразований в стране и т.д., от идей, «господствовавших тогда в революционной среде» [12. С. 168]. Главное внимание автор уделил не выявлению особенностей теории Ткачева, а попытке развести такие ставшие родственными в русской революционной традиции понятия, как русское якобинство и русский бланкизм. С точки зрения М.С. Балабанова, нельзя назвать Ткачева «якобинцем», так как ближе всего по своим воззрениям он стоял к французскому социал-утописту Бланки, который выдвигал заговор с целью захвата власти революционным меньшинством и осуществления последним ряда мер, облегчающих переход к социализму. По мнению автора, Ткачев попытался применить концепции Бланки к условиям «социально отсталой России», и провал этого эксперимента с «еще большей силой отделил их утопический характер» [12. С. 171].

Сходным образом были представлены взгляды Ткачева в работе И.С. Книжника-Ветрова. Ограничившись, по сложившейся в определенном кругу исследователей традиции, поверхностным разбором двух статей Ткачева («Задачи революционной пропаганды в России» и «Открытого письма» Фридриху Энгельсу), И.С. Книжник-Ветров пришел к выводу, что в революционном народничестве существовало лишь два течения: лавризм и бакунизм. На взгляд автора, Ткачев вообще не был «представителем особого течения русской революционной мысли», а нападки его на Лаврова можно объяснить только «юношеским задором и легкомыслием» [13. С. 123–124].

Подобные высказывания И.С. Книжника-Ветрова и других авторов, одним росчерком пера без достаточно четкой и ясной аргументации перечеркивавших кропотливый труд специалистов, по крупицам собиравших новый материал, вызвали справедливое возмущение Б.П. Козьмина. В начале 1926 г. он опубликовал статью «П.Н. Ткачев и народничество», где поднял ряд интересных вопросов. Б.П. Козьмин стремился опровергнуть устоявшееся мнение будто «Ткачев – типичный народник», отличающийся от других теоретиков народничества некоторыми частностями своего мирозерцания, расходящийся с ними только по вопросам второстепенного значения [14. С. 109]. Такой подход, по мнению историка, был обусловлен тем, что большинство исследователей, доверяя мнению Ф. Энгельса или Г.В. Плеханова, не затрудняли себя ознакомлением со всеми произведениями Ткачева, обрисовывающими его социально-политические взгляды. Предпринимая попытку преодолеть тенденцию поверхностного изучения, автор обратился к работам Ткачева как доэмигрантского, так и эмигрантского периодов и сопоставил их с основными элементами народнической доктрины.

Изначально четко обозначив свою задачу, Б.П. Козьмин еще более заинтриговывает читателей тем, что причисление Ткачева к народникам называет ошибкой, так как в его мировоззрении было гораздо больше пунктов расхождения с народничеством, чем сходства. По мнению Б.П. Козьмина, народнической субъективной социологии Ткачев противопоставил теорию экономического материализма и учение о политической революции. В итоге Б.П. Козьмин делает смелое заявление: «Пора отказаться от причисления Ткачева к народникам, ибо такой взгляд на него обусловливался лишь недостаточным знакомством с его общественно-политическими взглядами» [14. С. 122]. Очередное выступление Б.П. Козьмина в защиту специфичности ткачевизма нашло отклик со стороны эмигранта Б.И. Николаевского, который, благодаря своему старому товарищу, директору Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанову, имел возможность печататься в советских исторических журналах. Игнорируя доводы Б.П. Козьмина, Б.И. Николаевский принижал значение Ткачева как самостоятельного мыслителя, утверждая, что «Набат» всего лишь продолжал дело С.Г. Нечаева. Под пером русского эмигранта Ткачев представал эклектиком, повторявшим чужие мысли и вращавшимся в «сугубо порочном круге идей» [15. С. 221]. По мнению Б.И. Николаевского, он не был законченно четок в вопросах «о методах не-

посредственной борьбы», четок он был «лишь в суверенном призрении к народной массе, в утверждениях, что «расшатать» существующий строй может одно только революционное и тесно сплоченное в организационном отношении меньшинство...» [15. С. 222].

С существенными оговорками точка зрения Б.И. Николаевского нашла отражение в статье Дм. Кузьмина (под этим псевдонимом печатался Е.Е. Колосов), который выступил против наметившейся тенденции возвеличивать «второстепенного идеолога» народничества Ткачева. В частности, Б.П. Козьмин, по его мнению, искусственно выделяет Ткачева из литературно-политической обстановки 1860-х гг., «односторонне» и далеко не «поневоле» трактует некоторые наиболее «для него» интересные особенности взглядов Ткачева, смягчает то, что противоречит сделанным обобщениям и приходит к «парадоксальному» заключению, что Ткачев является в России, чуть ли не прямым предшественником экономических материалистов [16. С. 254]. Эти замечания были сделаны Дм. Кузьминым с единственной целью – положить конец практике отыскивать повсюду первых марксистов, так как народническая концепция в корне противоречила марксизму.

Несмотря на это, мнение о ткачевизме как самостоятельном направлении в рамках революционного народничества по-прежнему находило сторонников. Не ставя вопрос о принадлежности Ткачева к народничеству, Л.Г. Дейч четко отделил его учение от взглядов «лавристов и бакунистов». Отрицание Ткачевым долгой подготовительной работы, его нацеленность на установление революционной диктатуры, использование благоприятного момента для переворота, пусть даже не обеспеченного социально-экономическими и прочими условиями, Л.Г. Дейч назвал разумной и целесообразной задачей. Беда Ткачева заключалась в том, что он не вовремя стал «бить в набат» [17. С. 73].

Вывод Б.П. Козьмина о неправомерности причисления Ткачева к ортодоксальным народникам поддержал А.В. Шестаков, подчеркнувший наличие принципиальных расхождений идеолога русского бланкизма с современниками из народнического лагеря по вопросам

особого пути социального развития России, «удельном весе для революции трудового крестьянства и особом положении сельскохозяйственного пролетариата» [18. С. 270]. Вслед за ним Б.И. Горев вновь отметил значение «блестящей, почти непревзойденной» критики анархизма со стороны Ткачева. Он указал, что «в этом первом столкновении русского анархизма с идеей *революционной диктатуры*... была в зародыше вся та борьба, которая велась и ведется отчасти до сих пор между анархизмом и Советским государством» [19. С. 8]. Назвав взгляды Бакунина и Ткачева величайшими вершинами русской революционной мысли 70-х годов, автор подчеркнул, что многое из учения этих теоретиков вошло затем в ленинизм [19. С. 14].

Подключившийся к дискуссии В.И. Невский, охарактеризовал Ткачева как якобинца, разделявшего некоторые положения Маркса [20. С. 15–16]. В отличие от него, Е.М. Ярославский отнес теорию Ткачева к разновидности анархического направления, в рамках которого проходило формирование русского якобинства. Разница между Ткачевым и Бакуниным, по его мнению, состояла лишь в более трезвом отношении первого к русскому крестьянству, во внедрении политических методов борьбы и в особом внимании к экономическому фактору, что и позволило этому «замечательному писателю-революционеру» в своих сочинениях «иногда приближаться к марксизму» [21. С. 35–36].

Доктрина Ткачева как самая радикальная в народничестве оказалась наиболее привлекательной для тех ученых, которые стремились установить преемственность между современной им идеологией и практикой советского руководства и концепциями предшествовавшего марксизму периода в русском революционном движении. Ряд авторов (С.И. Мицкевич, Б.И. Горев, Б.П. Козьмин) положили начало конкретно-историческому осмыслению творческого наследия Ткачева; поставили под сомнение уже устоявшийся к тому времени тезис об эклектичности его идей; подчеркнули их оригинальность; обозначили линию преемственности в русской революционной традиции, где марксистская составляющая не была доминирующей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мицкевич С.И.* Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6–7.
2. *Батурич Н.Н.* О наследстве «русских якобинцев» // Пролетарская революция. 1924. № 7.
3. *Козьмин Б.П.* Ткачев и Лавров (Столкновение двух течений русской революционной мысли 70-х годов) // Воинствующий материалист. М., 1924. Т. 1.
4. *Горев Б.И.* Российские корни ленинизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 2.
5. *Горев Б.И.* От Томаса Мора до Ленина. 1516–1917. 5-е изд., доп. М.; Л., 1924.
6. *Диспут о «русском якобинстве»* // Правда. 1925. 11 февраля.
7. *Мицкевич С.И.* К вопросу о корнях большевизма // Каторга и ссылка. 1925. № 3.
8. *Батурич Н.Н.* Еще о цветах русского якобинства // Пролетарская революция. 1925. № 8.
9. *Синецра.* Еще о марксизме и бланкизме // Печать и революция. 1925. № 2.
10. *Покровский М.Н.* Задачи общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. Т. 1.
11. *Горев Б.И.* К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности // Воинствующий материалист. М., 1925. Т. 4.
12. *Балабанов М.С.* История революционного движения в России. Киев, 1925.
13. *Книжник-Ветров И.С.* П.Л. Лавров. Его жизнь и труды. Л., 1925.
14. *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачев и народничество // Каторга и ссылка. 1926. № 1.
15. *Николаевский Б.И.* Памяти последнего «якобинца»-семидесятилетника (Гаспар-Михаил Турский) // Каторга и ссылка. 1926. № 2.
16. *Кузьмин Дм.* Как не надо изучать историю // Каторга и ссылка. 1926. № 3.
17. *Дейч Л.Г.* Полувековые годовщины // Группа «Освобождение труда». 1926. № 4.
18. *Шестаков А.В.* Русские исторические журналы весны 1926 г. // Историк-марксист. 1926. № 2.
19. *Горев Б.И.* Диалектика русского бакунизма (к пятидесятилетию смерти Бакунина) // Печать и революция. 1926. № 5.
20. *Невский В.И.* История РКП (б). Краткий очерк. 2-е изд. Л., 1926.
21. *Ярославский Ем.* История ВКП(б). М.; Л., 1926. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 января 2011 г.